

—

«Матушка, что сегодня произошло с дядей? Разве мы раньше не договаривались, что дядя, как глава старшей ветви рода Юй, сегодня на банкете объявит о помолвке перед всеми?»

«Почему он, наоборот, сказал, что это подготовка к экзаменам и плохое гостеприимство, что выставило семью Цзи в невыгодном свете? Почему ты, как старшая, ни словом не обмолвилась о помолвке? У дядюшки Цзи даже лицо испортилось, когда он уходил».

После того как банкет в доме Юй закончился, Юй Линсяо, только вернувшись домой, не смог больше сдерживаться и выпалил серию вопросов.

Мать Юй, Сунь Юаньнян, глядя на сына, который метался, как муравей на раскаленной сковороде, неторопливо сказала: «Посмотри, как ты спешишь, уже стал цзюйжэнем, а ни капли степенности нет».

Юй Линсяо подавил свою порывистость, немного замедлил тон и сказал: «Здесь же только матушка, нет посторонних».

У Сунь Юаньнян от этих слов появилась улыбка на лице, она поманила рукой: «Эрлан, подойди».

Сунь Юаньнян подвинула стоящую на столе коробку: «Посмотри, что это?»

Юй Линсяо в недоумении открыл коробку и вынул оттуда прозрачный нефритовый кулон.

«Это качество... кто его прислал?»

Радость на лице Сунь Юаньнян стала еще сильнее: «Прислали из дома господина Сюэ, помощника префекта. Сказали, что это тебе в подарок по случаю успеха».

«Раз уж ты так беспокоишься и спрашиваешь, почему я не упомянула о твоей помолвке на банкете, я хорошенько тебе все объясню. Сегодня слова старшей ветви были правильными. Мой сын в юном возрасте уже сдал провинциальные экзамены, его карьера только начинается, к тому же он красив. Сколько таких талантов найдется в зале императорских экзаменов?»

Юй Линсяо сразу понял, что имела в виду его мать, но все же сказал: «Я не понимаю, какое отношение все это имеет к помолвке с семьей Цзи».

«Ах, мой сынок! Сейчас у тебя карьера идет в гору, как можно так необдуманно загубить ее с такой обычной родней жены!»

Сунь Юаньнян сказала: «Семья Цзи в нашей деревне еще считается приличной, но за пределами этой деревни что они из себя представляют? В будущем сможет ли их семья Цзи проложить тебе путь?»

«Матушка, вы хотите расторгнуть помолвку?»

Юй Линсяо только выпалил эти слова, как тут же добавил: «Нет, это абсолютно невозможно! Не говоря уже о том, что мы с Таоюем изначально были друзьями детства и любим друг друга, староста деревни все эти годы к нашей семье хорошо относился. Все в деревне знают об этой помолвке. Если необдуманно ее расторгнуть, сколько сплетен это вызовет! В будущем, если я стану чиновником, это повредит моей репутации и моральному облику».

«Матушка, ни по чувствам, ни по разуму мы не можем так поступить».

«Посмотри, как ты распереживался. Когда это я говорила о расторжении помолвки? Ты просто послушай, что я тебе расскажу о выгодах и опасностях».

Сунь Юаньнян усмехнулась и сказала: «Господин помощник префекта тебя очень ценит. Сегодня утром он даже специально прислал человека с подарком, и его незамужняя дочь еще не вышла замуж. Разве это не явный намек?»

«Хотя должность помощника префекта невелика, но я слышала, что семья этого помощника префекта из поколения в поколение занимает чиновничьи посты, у них обширные связи, они даже сильнее некоторых высокопоставленных чиновников. Если у моего сына будет сильная родня жены, то в будущем карьера, несомненно, пойдет гораздо легче. Это редкая возможность!»

Она посмотрела на Юй Линсяо, предостерегая: «Сдать провинциальные экзамены — это уже большое достижение, но цзюйжэней в Цзяннане не один и не два. Посмотри вокруг, многие из них, не умея планировать, живут бедно. Эрлан, если ты не ухватишься за подвернувшуюся возможность, в будущем пожалеешь».

«Семья Сюэ не сказала прямо, просто хотела посмотреть, как ты сдашь столичные экзамены, это все взвешивание всех «за» и «против». Вот как лучше поступить: мой сын полностью сосредоточится на подготовке к столичным экзаменам. Если после столичных экзаменов дело с семьей Сюэ не сложится, мы по-прежнему женимся на гере семьи Цзи. Если сложится, и ты беспокоишься о Таоюе, это тоже не беда. У мужчины разве не бывает трех жен и четырех наложниц? Тогда просто возьми его к себе, к тому времени ты уже станешь цзиньши, и это не будет для него унижительно».

Юй Линсяо немного поколебался: «В семье старосты деревни Таоюй — единственный ребенок,

как он согласится, чтобы Таоюй стал наложницей?»

Сунь Юаньнян увидела, что Юй Линсяо, хотя и не согласился, но уже не так бурно реагирует, значит, он тоже признал необходимость иметь запасной вариант.

Ее сердце обрадовалось, и она уговаривала: «Глупое дитя, у этой ветви семьи Цзи хоть и единственный ребенок, которого очень любят, но кто откажется извлечь из ребенка выгоду? Семья Цзи, боюсь, до сих пор стораает от нетерпения, ожидая опоры и налоговых льгот от тебя. Разве не этого они хотели с самого начала?»

«Стать твоей наложницей не то же самое, что стать наложницей стариков, которые в два раза старше. Это не позор. Но злиться все равно придется, вид нужно делать, иначе люди со стороны будут говорить. Ты должен понимать, что у него на уме».

Юй Линсяо молча не отвечал.

Сунь Юаньнян, видя это, с усердием уговаривала: «Линсяо, я, вдова, одна вырастила твою сестру, выдала замуж, а еще содержала тебя, чтобы ты учился и достиг сегодняшнего дня. Легко ли это было?»

«Все эти годы ты только учился, но знаешь ли ты, как тяжело мне было? Дяди и тети нашей семьи презирали нас, после смерти твоего отца они не только не жалели нас, сирот и вдову, но и постоянно насмехались. Жизнь была тяжелой, я могла только скрепя сердце обручить тебя с этим болезненным сыном семьи Цзи, чтобы получить помощь от семьи Цзи».

«Если бы твои знания были слабее, и ты стал бы просто сюцаем, я бы, памятуя о заботе семьи Цзи все эти годы, не думала бы о другом. Но кто знал, что Небеса благосклонны к моему сыну и даровали тебе такой талант? Перед нами прекрасная возможность, мы не можем упустить ее просто так! Если мы не будем работать на себя, нас накажут небо и земля. Мы просто планируем себе запасной путь».

Юй Линсяо, глядя на пронизательное выражение лица матери, сказал: «Значит, слова дяди сегодня были сказаны, чтобы потянуть время с семьей Цзи?»

«Сначала нужно успокоить семью Цзи, а у нас будет больше времени, разве не так?» Сунь Юаньнян с жалостью посмотрела: «Линсяо, ты ведь не расстроишь матушку, правда?»

«Мы ведь не отказываемся жениться на Таоюе, просто отложим на попозже, нет никакой разницы. Тогда и для тебя, и для него будет только лучше».

Лицо Юй Линсяо выражало колебания. Он был в расцвете сил и, конечно, стремился к великой карьере; но в то же время это было время первой влюбленности, и он боялся из-за будущего упустить любовь.

Сунь Юаньнян, видя это, поняла, что сын ее послушал. Она взяла Юй Линсяо за руку и сказала: «Линсяо, не вини матушку за расчетливость и бессердечность. Нам, троим, было нелегко дойти до сегодняшнего дня».

«Знаешь ли ты, сколько денег стоит одна кисть и одна бумага, сколько денег уходит на книги, расходы на учебу текут, как вода. Если бы матушка не рассчитывала, разве смогла бы я тебя содержать до сдачи экзаменов? Жизнь только начала налаживаться, мы не можем расслабляться».

У Юй Линсяо покраснели глаза. Он знал, что тогда ради оплаты его обучения сестра была вынуждена выйти замуж далеко. Все это он знал. Именно поэтому он так метался и страдал: «Я знаю, матушка».

Сунь Юаньнян вытерла глаза: «Теперь только мы, мать и сын, едины в своих целях. Твои дяди и тети просто хотят поживиться за твой счет. Мы должны ступать по этим людям, для которых существует только выгода, только тогда мы сможем пройти далеко».

«Завтра утром ты рано отправишься благодарить господина Сюэ, ты сам справишься, как нужно. Вернувшись, съезди еще к семье Цзи, эту сторону тоже нужно держать в узде, чтобы не возникло проблем».

Юй Линсяо тут же сказал: «Я сейчас же пойду и извинюсь перед дядюшкой Цзи».

Сунь Юаньнян окликнула его: «Ты сегодня устал, отдохни хорошо, иди завтра, спешить некуда. К тому же дядюшка Цзи сейчас наверняка злится, зачем тебе его снова раздражать? Ради семьи Цзи он поймет и не посмеет обидеть тебя».

Юй Линсяо остановился: «Ладно».

...

В это время в доме Цзи царила тишина, слышно было даже, как иголка упадет. Цзи Янцзун выпил три чашки холодного чая во внутреннем дворике, осенний холодный ветер и дождь дули ему в лицо, но не смогли рассеять гнев в его сердце.

«Молодцы, семья Юй! Одним ходом «главное — экзамены, будущее важнее» заткнули всем рты, совершенно забыв о своем подбострастном виде тогда».

«Самые бессердечные — это ученые! Эти слова, оказывается, очень верны. Семья Юй хочет затянуть дело с нашим Сяо Таоцзы? Не бывать этому!»

«Пока я жив, их семья Юй в деревне не сможет жить спокойно!»

«Если бы не наша поддержка все эти годы, разве Юй Линсяо достиг бы сегодняшнего дня?»

Цзи Янцзун в ярости пнул ножку стула: «Я совершенно не разбираюсь в людях! И из-за этого наш Сяо Таоцзы оказался в такой ситуации!»

Хуан Маньцзин, глядя на человека, который уже довольно долго ругался на чем свет стоит, не выдержала и уговорила: «Хватит, хватит! Как долго ты уже ругаешься на дворик? Ты не боишься разозлиться на себя? Ты не боишься, что Сяо Таоцзы услышит тебя?»

Цзи Янцзун, услышав это, хоть и не изменил пыла своего гнева, но все же поднял голову и посмотрел в сторону спальни Таоюя, после чего с силой ударил ладонью по краю стола: «Я должен пойти в семью Юй и все выяснить!»

«Ты действительно собираешься пойти к ним домой и требовать объяснений?»

«После тех слов старшей ветви семьи Юй сегодня, Юй Линсяо и его мать притворились глухонемыми, разве это не умышленное желание переметнуться? Разве нельзя требовать объяснений? Если они сейчас посмеют не признавать дело, у меня есть помолвочные подарки, которые мы давали. Даже подать на него в суд в чиновничьем присутствии можно».

Хуан Маньцзин схватила Цзи Янцзуна и холодно сказала: «Судя по сегодняшнему отношению семьи Юй, это уже не хороший брак».

«Если так давить на семью Юй, они все равно будут неохотно соглашаться. Даже если Сяо Таоцзы выйдет за него сейчас замуж, сможет ли он жить хорошо!»

Одна фраза разбудила спящего человека. Цзи Янцзун, глядя на жену, вдруг успокоился.

«Ты организовал этот брак из-за влияния семьи Юй или ради Сяо Таоцзы? Мне кажется, ты совсем забыл».

Цзи Янцзун помолчал немного, сдержал весь свой гнев и с сожалением сказал: «Я совсем потерял голову, из-за минутного желания поспорить чуть не пошел добиваться брака. Мой тесть только что сказал мне не делать этого».

Он вдруг понял: «В конце концов, тесть видит яснее».

Хуан Маньцзин взяла Цзи Янцзуна за руку: «Янцзун, мне всегда было стыдно, что я родила тебе только одного ребенка, а Сяо Таоцзы еще и болезненный. Все это моя вина. Но он родился таким слабым, если его муж будет недобрым, как он сможет жить?»

Цзи Янцзун поспешно сказал: «Даже если у нас всего один ребенок, я никогда не жалел об

этом. Как это может быть твоей виной, что Сяо Таоцзы нездоров? Он родился таким».

«Я знаю твои опасения, не волнуйся, я никогда не забывал о первоначальном намерении, когда устраивал брак для Сяо Таоцзы. Я абсолютно не позволю Сяо Таоцзы страдать из-за власти минутной и выгоды».

У Хуан Маньцзин покраснели глаза.

Цзи Янцзун сказал: «Семья Юй тоже не должна делать вид, что не понимает, и тянуть с помолвкой. Если в ближайшие два дня от них не будет точного ответа, мы вместе пойдем к семье Юй, и будет ясный результат, сойдемся ли мы или разойдемся».

Цзи Таоюй в комнате, хоть и не слышал ссоры снаружи, сейчас тоже не чувствовал себя слишком счастливым.

Он сидел один в своей комнате с закрытыми дверями, опираясь на стул, рассеянно глядя на лежащие перед туалетным столиком записки со стихами и прозой, а также на несколько писем, лежащих под ними, и в его сердце роилось множество чувств.

Вернувшись с банкета в доме Юй, родители, хоть и ничего не сказали при нем, но он знал, что они недовольны.

Его отец был человеком, очень заботящимся о своем лице, и он изначально искренне верил, что сегодня его ждет большая слава, но не ожидал, что его обманут. Как он мог не злиться?

То, что Юй Эрлан не объявил о помолвке на большом банкете, и оправдания главы старшей ветви семьи оказалось достаточно, чтобы дать отцу пощечину. Другие, вероятно, подумают, что две семьи заранее договорились сначала сосредоточиться на экзаменах, а о помолвке поговорить после столичных экзаменов, не зная, что семья Юй ранее обещала жениться после сдачи осенних экзаменов. Теперь их семья понесла молчаливый убыток.

Такое отношение семьи Юй. При этом Юй Линсяо ничего не сказал и до сих пор не пришел объясниться, что означает, что это было с его одобрения.

Хотя Таоюй в душе не чувствовал разрывающей сердце боли, ему тоже было тяжело.

Могут ли слава и богатство действительно заставить человека отказаться от верности и полностью измениться?

Ясно ведь, что в тот день он приходил к нему домой и сказал, что на большой банкет нужно прийти пораньше, тогда будет важное объявление.

Не только его родители, но и он сам был уверен, что сегодня семья Юй объявит об их помолвке.

Однако сегодня все обернулись так, и было бы ложью сказать, что он не разочарован.

Неизвестно, были ли у него трудности, или он действительно передумал.

Когда он рассеянно смотрел вдаль, в окно дважды постучали.

Таоюй пришел в себя, настороженно посмотрел туда и понял, что это не кажется, а окно действительно двигается. Он встал и медленно подошел к окну.

«Есть новости?»

Как только окно открылось, тут же раздался голос, напугавший Цзи Таоюя. Он дрожащей рукой подсознательно закрыл окно, но что-то намертво застряло под оконной рамой, отбросив окно назад.

Он опустил голову, увидел четыре зажатых пальца и поспешно отпустил руку: «Ты в порядке?!»

Хоу Шу забрал руку и согнул пальцы: «Хорошо, что не сломал».

Лицо Таоюя покраснело от некоторой вины, но тут же он передумал: этот человек проник в частный дом и то, что он только что прищемил руку, не только его вина.

Поэтому он нахмурил брови и допросил: «Как ты здесь оказался?»

И нервно огляделся по сторонам.

За его окном был проход, где росло несколько персиковых и сливовых деревьев. Деревья занимали проход, делая его довольно узким.

Обычно здесь никто не ходил, но то, что этот человек тихо вошел через такую высокую стену, было довольно пугающим.

Хоу Шу скрестил руки: «Я боялся, что ты будешь поглощен своей печалью и забудешь о моей просьбе».

Услышав это, Тао Юй обернулся и бросил на Хоу Шу сердитый взгляд. Он немного опустил глаза.

Как хорошо было бы, если бы окно тогда зажало этому человеку и рот.

«Господин Хо, раз уж вы знаете, что мне грустно, почему вы все равно можете быть таким жестоким и заставлять меня заниматься посторонними делами?»

Хо Шу выслушал эти кислые слова, глаза его потемнели: «В таком случае, я пойду и преподам урок тому, кто тебя огорчил. Тогда ты успокоишься и сможешь заняться моим делом».

Таоюй увидел, как Хо Шу сжал кулаки, и его пальцы затрещали. Он поспешно сказал: «Бить цзюйжэня — это значит попасть в тюрьму!»

Хоу Шу опустил взгляд и окинул взглядом взволнованное личико юноши: «Ты беспокоишься о том, что я попаду в тюрьму, или о том, что Юй Линсяо получит побои?»

Цзи Таоюй открыл рот, но понял, что не знает, как ответить. Этот вопрос был совершенно бессмысленным.

Этот человек выглядел суровым, но оказалось, что он тоже умеет подшучивать над людьми.

Таоюй недовольно сжал губы и промолчал. Мужчины действительно плохие.

—

<http://bllate.org/book/14480/1281174>